

Н. Н. Смирнова

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВЕДНИЧЕСТВА В ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА «ПОСЛЕДНИЙ СРОК»

Анализируется образ главной героини повести «Последний срок» (1970) – старухи Анны. Особенностью художественного решения В. Г. Распутина в изображении героя-праведника становится один из ключевых типов в творчестве писателя – «женщина богородичного типа». В основе воссоздания иконографической фигуры старухи Анны лежат узнаваемые элементы агиографической традиции: смиренное принятие смерти, аскетизм, знание-откровение, чудо нетления, характерные для жития преподобнического типа.

Ключевые слова: В. Г. Распутин, современная проза, русский тип праведничества, христианская агиография, миф.

Проблемы сакрализации патриархального уклада деревни, поиска целостности утраченного «Мира-Лада» определяющие в творчестве Валентина Григорьевича Распутина. Писатель признает, что все художники-традиционалисты вышли из «Матрениного двора» А. Солженицына. По мнению современного исследователя, праведники А. Солженицына – обломки, осколки древнего народа-богоносца, уцелевшие в спасительном отдалении от «сатанинского государства» – «центрального земного посольства отца Зла» (Солженицын). В них еще жива память о высшем «ладе» небесного и земного, «остаточное мессианство» [1, с. 266].

В. Распутин продолжает в своем творчестве раскрывать источники духовной стойкости людей, рассуждая об исконных нравственных ценностях бытия (стремление к деятельному добру, преданность вере, аскетизм). Интерес писателя к духовному, идеальному содержанию личности в новую эпоху позволяет художнику воссоздать того самого праведника, «без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша». В транскрипции Вл. Даля подвижник – «подвизающийся на пути веры и праведничества» [2, с. 164].

В прозе В. Распутина очевидно превалирование женских персонажей и их особое ценностное наполнение: от ранних рассказов, где появляются старухи – хранительницы памяти своего народа, до утверждения женщины как души мира, его опоры и защиты. Писатель убежден в особой роли женского начала в развитии национальной духовной культуры: «в основании нашей нации лежат женские начала», «Россия издревле верила в себя, как в Дом Богородицы» [3, с. 475]. Отчасти он это комментирует в статье «Cherchez la femme. Вечный женский вопрос» (1989). Художник подчеркивает изначально гармоничный, «софийный» образ русской женщины. С публицистической откровенностью эти качества проступают в характере главных героинь: Анна, Дарья, Настена в повестях 1970-х гг. («Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Живи и помни»).

Наиболее ярким примером изображения женщины богородичного типа можно считать героиню по-

вести «Последний срок» – старуху Анну, чей образ выстраивается в четком соответствии с традициями древнерусской словесности, особенно агиографии «как литературе спасения», призванной духовно преобразовать человека. Реальные лица и события в «Последнем сроке» оцениваются по отношению к центральной героине – старухе Анне, образ которой маркирован чертами святости (свет, идущий от умирающей, чудо, явленное накануне смерти, божественные знаки, даруемые героине в моменты снов – мистических откровений).

Анна, в начале повести находившаяся «то ли в самом конце жизни, то ли в самом начале смерти», изображена в ожидании события, которое подводит итог земного бытия, становится «уходом» в мир иной. Смерть в народной культуре не одномоментное событие, к нему готовятся, его ждут как важнейшее испытание. В древнерусской культуре, замечает Д. С. Лихачёв, «наибольшего писательского внимания заслуживало изображение смерти как наиболее значительного момента в жизни человека» [4, с. 38]. Тема смерти – центральная в творчестве писателей-традиционалистов. Смертью оправдываются (рассказ Ф. Абрамова «Из колена Авакумова»), утешаются и спасаются (рассказ В. Распутина «В ту же землю...»), она рассматривается как главное событие земной жизни.

В творчестве Распутина символика смерти многослойна. Писатель опирается на предсказания, видения – важнейшие мотивы жития: «Про себя старуха знала, что смерть у нее будет легкая» [5, с. 152]. Как и подобает христианской праведнице, Анну сопровождает мотив «посвященности». Героине известен срок и обстоятельства собственной смерти: «Старуха хорошо знала, как она умрет, так хорошо, словно ей приходилось испытывать смерть уже не один раз. Но в том-то и дело, что не приходилось, а все-таки почему-то знала, ясно видела всю картину перед глазами...» [5, с. 152]. В христианской традиции предугадать свою кончину дано только праведникам. В монологах героини смерть представлена как светлое и радостное успение, как «долгий отдых»: «Нет, ей не страшно умереть, всему свое место... <...> Изжи-

лась до самого донышка, выкипела до последней капельки» [5, с. 156]. Важно, что здесь успокоение праведницы связано и с осознанием вечности, оставляемого мира, в котором она оставила свой след.

Сюжетообразующий мотив смерти в повести «Последний срок» обретает широкую смысловую зону в разных контекстах. Смерть трактуется как уход в метафизическое бытие. Старуха Анна помнит, что «до теперешней своей человеческой жизни она была на свете еще раньше. Как, чем была, ползала, ходила или летала, она не помнила, не догадывалась, но что-то подсказывало ей, что она видела землю не в первый раз. Вон и птицы рождаются на свет дважды: сначала в яйце, потом из яйца, значит, такое чудо возможно и она не богохульствует» [5, с. 188].

В картине мира повести особую сакральную семантику несет древний образ соломы, символизирующий смертное ложе. Мотивы светлого простора, лестницы отражают православные представления о смерти – суде Божиим, знаменующем странничество души. Анна представляет, как она будет спускаться по ступенькам куда-то вниз: «Когда она, наконец, сойдет на землю, покрытую сверху желтой соломой, и поймет, что теперь полностью уснула, тогда вдруг справа откроется широкий и чистый, как после дождя простор, залитый ясным немым светом» [5, с. 155].

Старуха Анна обладает надвременным ощущением истории. Героиня осуществляет в сознании духовное странничество, наивысшими моментами которого становятся традиционные для древнерусской агиографии моменты исихазма, явленные в снах-откровениях, видениях мистического, опытного знания. Душевное состояние Анны – это постоянное устремление и одновременно пребывание в состоянии радостного созерцания мира, вера в его преображение. Пафос автора достигает высшего развития в миг, когда героине дано услышать звон. Так, впервые он звенит как ласковое воспоминание молодости: «Это был звон, запомнившийся ей еще в девичестве и звучащий мягкими благовестными ударами» [5, с. 142]. В повести мотив колокольного звона выражает сакральный смысл, связан с мигом переживания героиней красоты мира и своей включенности в него. Звон, за которым интуитивно следует Анна из тихого, радостного развивается в упование, благую весть, символизирующую надежду и дарующую героине напутствие и благословение перед смертью: «И в это время справа, где простор, ударит звон. Сначала он ударит громко, празднично, как в далекую старину, когда народ оповещали о рождении долгожданного наследника, потом лишний гром в нем уберется, и над старухиной головой поплывет, кружась, песенная перезвонница... счастливо и преданно она пойдет вправо – туда, где звенят колокола, ее уведет за собой затихающий звон» [5, с. 156]. Мотивы звона, светлых видений воплощают идею одухотворенности мира, связаны со знаками, подтверждающими «встречный

выбор человека Богом» в духовно-религиозном содержании святости [6, с. 221].

Смысл исконной «богородичной природы» в героине Распутина выявлен через дефиницию «душа». Понятие души, статус «которой стремиться установить и укрепить жития» [7, с. 62], является важнейшим элементом в художественной модели мира писателя. Почти не встающая с постели Анна «жива духовно» – в ней дышит душа. В агиографии высшим моментом просветления является «состояние первоначальной простоты», «оголения души» [7, с. 67]. Активность душевного строя героини в «Последнем сроке» выражена во внутренних монологах, в которых старуха размышляет о жизни и смерти. Целостное восприятие реальности в произведениях В. Распутина становится неотъемлемой чертой героя-праведника [8, с. 84].

В традиции древнерусской житийной литературы «избранные» могут слышать и даже видеть Божье слово, как истечение некоей световой энергии под действием благодати (например, в древнерусской литературе апостолы увидели Фаворский свет, только «приобретя сверхприродное чувство» [9, с. 85]). В «Последнем сроке» образ старухи Анны оформляет дар «отверзания чувств». В мгновение духовной просветленности героине дан божественный знак радуги: «Она подняла глаза и увидела, что, как лесенки, перекинутые через небо, по которым можно ступать только босиком, поверху бьют суматошные от радости, еще не нашедшие землю солнечные лучи. От них старухе сделалось теплее...» [5, с. 55]. Сущностная природа радуги, связанная со значением небесной влаги, углубляет семантику воды (рождающее женское начало) образа Анны в символ духовного очищения перед восхождением на небеса.

Воспринимая свой уход из жизни как переход в иной мир, старуха Анна ощущает соприсутствие божественного в земных сроках. Символической деталью преображения старухи Анны в тексте служит сияние, свет, которые на протяжении всей повести окружают героиню: «Она ничего не видела, кроме солнечного пятна на стене, но и это пятно, разрастаясь, само вливалось в ее открытые глаза и не отпущало их своей властью – все равно жила, и жила яснее, зорче, чем раньше, не напрягаясь для жизни, а находясь под ее осторожной охраной» [5, с. 58]. В изображении света, который сопровождает умирающую, присутствуют мотивы божественного прозрения и предвидения. В христианской мифологии слово Бога, несомненно, может быть Светом, зримым для духовного ока. Автор указывает на особый, мистический смысл света, понять который дано только старухе Анне: «...она снова смотрела на солнце на стене... и во всем ее положении была такая звороженность и нечеловеческая стынь, будто ей дано было увидеть и запомнить то, что больше никто не смог понять» [5, с. 74].

Героиня живет в ощущении исполнения предначертанного; происходящее в земном – предустановлено ей свыше. В центре повести – чудесное возвращение к жизни умирающей Анны, жаждущей в последний раз увидеть детей: «Чудом это и получилось или не чудом... но, только увидав своих ребят, старуха стала оживать» [5, с. 128–129]. По утверждению Д. С. Лихачёва, «Бог прославляет святого чудесами. Вот почему в житиях святых особое значение имеют чудеса, удостоверяющие их святость...» [10, с. 7]. Мотив чуда и сакральное число три (три дня ожидания детей) несут религиозную символику святости.

Картина описания физической немощи героини, безжизненности «телесного» в облике старухи Анны выдержана в сухом и сжатом стиле. По мнению современного исследователя, «описание Анны-Софии соответствует традиции иконописи: истончившаяся плоть (старуха “высохла и ближе к концу вся пожелтела – покойник покойником, только что дыхание не вышло”); усохшие руки и ноги – указание на крайний аскетизм жизни» [1, с. 298].

Преображение главной героини в «Последнем сроке» происходит в земных пределах. Изба, «ставшая своеобразным продолжением Анны», отмечена в повести знаками особого сияния, «залитая солнечным светом» днем, она озарена особым сиянием ночью: «звездное завораживающее сияние проходит сквозь стены, сквозь крышу» [5, с. 159]. Изображение избы следует традициям древнерусской литературы, в которой общие эстетические принципы охватывали и литературу, и зодчество как частей единого целого ансамбля [11, с. 157]. Пространство избы-дома в повести представляет собой энергетический центр, в котором лучи света собираются вокруг героини. Старухе дано услышать, как ««дышит в ночи изба, освещенная колдовским, рясным светом звезд... глухие вздохи дремлющей земли, на которой стоит изба, и высокое яркое кружение неба над избой, и шорохи воздуха по сторонам – и все это помогало ей слышать и чувствовать себя, то, что навсегда выходило из нее в ночной простор, оставляя плоть в легкости и пустоте» [5, с. 158]. Это создает в тексте проекцию «храма памяти предков», потеря которой приводит к духовной смерти. Такое пространство может служить местом для контакта с сакральным миром, знаком *преображения мира*. Образ дома-«гнезда» (Анна сравнивается с птицей) воплощает идею симметрии верхнего («горнего») мира и нижнего, связанного с землей, сопоставляемого традиционно с материнским, рождающим лоном. Как пишет автор, «в какой-то момент старухе почудилось, что она находится в старом, изношенном домишке с маленькими закрытыми изнутри окнами, а звездное завораживающее сияние проходит сквозь стены, сквозь крышу. Каждое из окошек – это воспоминание о ком-нибудь из ребят...» [5, с. 159]. Топос созидания духовного града

(традиционный для преподобнических житий) переосмыслен в повести В. Распутина.

Образ окошек («оконца») играет в тексте особую роль в повести. В сакральный час судьбы через оконца дом героини обретает медиационные свойства. Становясь «миротворительницей и мироносительницей» Анна («дающая благодать»), имя которой несет семантику милости, по П. Флоренскому), в повести символизирует «душеродный храм» для притекающих к ней. Образ Анны аккумулирует в себе проявление мистической силы «вечной матери». Женщина-мать наделена в творчестве В. Распутина «высшим подвигом». Героиня воспринимает мир как благоую и завершенную систему, организованную по законам красоты, когда человек воспринимает себя как одно из звеньев, соединяющее поколения предков. Следуя своей онтологической сущности, Анна убеждена, что ей «есть от кого уходить, и есть к кому уходить» [5, с. 113]. Так, старуха Анна учит старшую дочь Варвару вековечному причету, которым она должна проводить душу и своей матери. Плач («Песня песней»), дошедший из глубины веков, должен присоединить еще одно звено к родовой цепи, прикрепит ее к матушке-земле. Традиционный мотив древнерусской агиографии – стихия слез (оголение души), взаимосвязан с мотивом благодати, позволяет автору подчеркнуть идею душевного очищения, раскаяния и покаяния. Особое значение в тексте обретает тональность (музыкальное звучание), с которой связана основная нота плача – тонкий, протяжный голос, в котором звучит «благодать плача». «Надо с причитанием плакать», – убеждена старуха Анна. Стихия слез носит, скорее, очищающий, тихий характер (в христианской традиции). В диссонанс к «материнскому» пониманию прощения, «словно отказываясь участвовать» в нем, у дочери, движимой страхом, получается выть. Это демонстративное отчаяние направлено не вовнутрь, а вовне, напоказ. Страх смерти – страх греха, что и демонстрируют дети вольно или невольно.

Ситуация встречи в сюжетах реалистической прозы второй половины XX в. связана с актуальной проблемой обретения сакрального центра. Фабула «Последнего срока» обнаруживает имитацию восстановления ценностного центра приездом детей на похороны матери. Сакральное значение мотива обретения святых мощей, обретения покровителя, спасителя (примета агиографического жанра) в тексте оборачивается отказом, забвением традиций, невозможностью причастности к космосу – бегством детей от чуда материнского благословения. В тексте профанируется мотив возвращения блудного сына (типичного для агиографической литературы). Сюжет в повести выстроен через оппозицию родного Дома – «варварскому» отношению блудных детей, ставших «чужими», не говорящими с матерью «на одном языке» и воспринимающими свой дом как временное пристанище. Противопоставление избранного героя ос-

тальным людям, профанному миру – типично для жителя.

По мере развития сюжета углубляется образ старухи Анны, усиливается сакрализация индивидуального пространства героини. Автор изображает старуху Анну в лучах заходящего солнца: «...ей сразу стало теплее от него, бережным дыханием оно пошло в ее тело, подгоняя кровь» [5, с. 34], сравнивает ее со свечой – древнерусским символом души. Свет, идущий от матери, напоминающий в тексте нимб окрест головы святого, оказывается невыносим для ее детей, не умеющих почувствовать мудрость и красоту бытия [1, с. 299]. Так приметы отлученности, загороженности детей от матери оборачиваются в финале повести знаком мрака, беспросветной тьмы: «В окне, как в зеркале, замазанном с той стороны черным, отсвечивала только залитая электричеством комната, за стеклом не проступало даже самое маленькое пятнышко» [5, с. 140].

В конце повести намечен мотив торга. В сцене символической «запродажи» матери младший сын Михаил предлагает корову тому, кто ее увезет. Корова – сакральное животное, издревле символизирует кормилицу дома. Жестокое веселье, с которым младший сын отдает мать – душу дома/мира, «варварское» отношение детей к умирающей выглядит святотатством (перемещения со своего места святыни). Покорность и стойкость, с которой старуха Анна выдерживает испытания, «духовную застылость» детей соотносится с проповедью терпения. Героине принадлежат высказывания о душе (Боге): «Теперь оставалось потерпеть, пока душа, жившая все это время в ожидании и надежде, снова примирит старуху со случившейся потерей, облегчит ее от страданий и жалости» [5, с. 142–143].

Покорность собственной участи, воздержание – основная добродетель житийного святого преподобнического типа, на образ которого и ориентируется в повести В. Распутин. Мотив смирения, покаяния звучит в последних словах старухи Анны: «Старуха по-

думала о ней уже без боли... Конечно, дождись она Таньчору, и смерть была бы чище и светлей – на это старуха и рассчитывала. Ну да ладно – что теперь душу травить, ее не травить надо, а отпустить с покаянием, пускай себе летит. Пора» [5, с. 151].

В. Распутин трансформирует светлую концовку, традиционную для древнерусских жизнеописаний святых. На третий день дети уезжают от умирающей матери: «Сборы были торопливые, неловкие. Старуха больше не плакала, она, казалось, оцепенела, лицо ее было безжизненно и покорно» [5, с. 183]. В облике Анны автор подчеркивает черты аскетического образа жизни, что соответствует ориентации писателя на крайние, строгие требования византийской агиографической традиции.

Святость героини в повести «Последний срок» определяется «мирскими» добродетелями. К православной традиции служения *в миру* (вариант праведничества) обращается В. Распутин вслед Ф. Достоевскому. С точки зрения самого писателя, понимание евангельских заповедей – «о любви души и духа, т. е. о добровольно принимаемом на себя, всей своей жизнью, всем своим житием служении другим людям, которые в этом нуждаются» [3, с. 414–415]. Возвышение женского образа позволяет художнику увидеть в Анне «женщину богородичного типа», изображенной в тексте человеком с особым православным мироощущением, мудростью и душевной чистотой, исповедующим нравственный идеал. Таким образом, самодостаточность главных женских образов в повестях 1970-х гг. (Анны, Дарьи, Настены) выражена в духовной силе, которая дана женщине, по мысли художника, «в согласии с проведенными через нее заветами» [3, с. 475].

Тема «русского праведника» в творчестве Распутина получит дальнейшее развитие в повести Распутина «Дочь Ивана, Мать Ивана». Независимо от установки художника, концепция праведничества развивает метафизику женского образа у Распутина и обнаруживает целый комплекс размышлений о ее судьбе.

Список литературы

1. Ковтун Н. В. «Деревенская проза» в зеркале Утопии. Новосибирск, 2009. 491 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1935. 352 с.
3. Распутин В. Г. *Cherchez la femme* // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Молодая гвардия, 1994.
4. Лихачёв Д. С. Святая Русь // Жизнеописания достопамятных людей земли русской. М., 1992.
5. Распутин В. Живи и помни. Повести. М.: Панорама, 1997. 492 с.
6. Юдин А. В. Русская народная духовная культура: уч. пос. М.: Высшая школа, 1999. 414 с.
7. Бергман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // Художественный язык Средневековья. М., 1982.
8. Королёва С. Ю. Образ праведника в «деревенской прозе» В. Распутина (К вопросу о художественном воплощении народной религиозности) // Вестн. Пермского ун-та. Вып. I: Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009.
9. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. 509 с.
10. Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачёв Д. С. Избр. работы: в 3 т. Т. 3. Л., 1987.
11. Ключевский В. О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. 623 с.

Смирнова Н. Н., ст. преподаватель.

Сибирский федеральный университет.

Пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, Россия, 660041.

E-mail: nnsmirnova@bk.ru

Материал поступил в редакцию 18.05.2010

N. N. Smirnova

THE CONCEPT OF THE RIGHTEOUS PERSON AFTER THE LAST TERM BY VALENTIN RASPUTIN

In article the image of the main heroine is analyzed to lead The Last Term, old Anna. This article is about addresses specific features of the literary presentation of a Holy Virgin type woman as one of the key characters in Valentin Rasputin's creative work. Main character of The Last Term, old Anna, is depicted with the recognizable elements of hagiographic tradition such as humble acceptance of death, asceticism and the miracle of imperishability inherent to reverend-like life.

Key words: *Rasputin, modern prose, Russian type of the righteous person, Christian hagiography, myth.*

Siberian Federal University.

Pr. Svobodny, 79, Krasnoyarsk, Krasnoyarsky krai, Russia, 660041.

E-mail: nnsmirnova@bk.ru